

Лян Сысы тоже вышла в своей новой кофте и, увидев, как Лян Тин её носит, поспешила снять свою громоздкую ватную куртку, оставив только тонкую рубашку, как и Лян Тин.

— Мамочка, я тоже хочу, я тоже хочу, — выйдя, Лян Сысы услышала просьбу Лян Тин и тут же присоединилась. Обычно они называли маму «мама», но когда начинали капризничать, переходили на «мамочка».

— Безобразие, зимой так одеваться — замёрзнешь насмерть! — Бабушка Лян тоже считала, что внучки выглядят прекрасно, как богатые барышни из прошлого, но нельзя было потакать их капризам. Зимой без ватной куртки никак не обойтись.

— Бабуль, милая бабушка, мы наденем ватную куртку на улице, а дома на кане будем так ходить! — Лян Сысы была мастером уговоров, она обняла руку Бабушки Лян и смотрела на неё с мольбой.

— Бабушка, нам точно не будет холодно, если станет холодно, мы так не будем ходить! — Внутри кофты должна была быть ватная куртка, поэтому одежда Лян Сысы и Лян Тин была свободной. С первого взгляда это было нормально, но при ближайшем рассмотрении казалось, будто дети надели взрослую одежду.

Лян Сысы и Лян Тин упорно уговаривали, но в итоге ничего не добились. Две девочки хотели уговорить маму на что-то хорошее, но всё закончилось ничем. В такую холодную зиму хотеть надеть так мало одежды, чтобы покрасоваться, — нужно было найти более комфортный способ!

Лян Сысы и Лян Тин сдались, даже самая добрая Третья тетя Лян не согласилась, так что оставалось только ждать Нового года.

Хотя их школа долгое время была закрыта из-за происшествий, каникулы всё же состоялись. После экзаменов все были рады, и, например, Лян Цзию несколько дней почти не появлялся дома, кроме как для еды. Лян Цзивэнь же целыми днями пропадал в горах, и Лян Цзию хотел пойти с ним, но Лян Цзивэнь не разрешал.

Сегодня, когда Лян Цзивэнь спускался с горы, он «случайно» встретил Чжань Цзюцзяна, который прогуливался здесь. Лян Цзивэнь вздохнул, а Чжань Цзюцзян поджал губы и неподвижно смотрел на него.

Лян Цзивэню это показалось забавным. Чжань Цзюцзян обычно улыбался перед другими, но перед ним всегда был серьёзен. Однако выражение лица во многом зависит от внешности. Если человек некрасив, то как бы он ни улыбался, это не будет смотреться хорошо. Если же человек красив, то любое выражение лица и поза будут радовать глаз. Конечно, это не значит, что Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян были некрасивы. Наоборот, оба были привлекательны, но выглядели совершенно по-разному.

Лян Цзивэнь был добрым и молчаливым, но все считали его опасным и труднодоступным, даже улыбку его никто не видел, что пугало. Чжань Цзюцзян же был полной противоположностью: с нежным лицом, даже когда он сжимал губы и хмурился, казалось, что он улыбается, что вызывало симпатию, хотя на самом деле он был хитрым и злопамятным.

Чжань Цзюцзян поджидал его здесь уже несколько дней. Он стал умнее и приходил, когда время подходило к концу, и Лян Цзивэнь обычно спускался с горы в течение получаса. Но он просто ждал, ничего не говоря, не реагируя на попытки Лян Цзивэня угодить ему. Лян Цзивэнь угождал, а Чжань Цзюцзян отвечал холодным молчанием, и это было заслуженно!

Чжань Цзюцзян заметил, как брови Лян Цзивэня слегка приподнялись, и понял, что тот, наверное, смеётся над ним в душе. Он хотел сказать что-то колкое, но почувствовал, что это было бы несправедливо, да и он всё ещё был в ссоре с Лян Цзивэнем, так что не собирался сдаваться первым!

Молча они дошли до заднего двора дома Чжань Цзюцзяна, и Лян Цзивэнь положил ему в ладонь несколько маленьких сосновых шишек, тихо сказав:

— В час тридцать дня я зайду за тобой.

Чжань Цзюцзян загорелся, смотря на Лян Цзивэня с ожиданием. Лян Цзивэнь добавил:

— Не забудь взять воды и скажи Дедушке Чжань. Если он не разрешит, то ничего не получится.

Чжань Цзюцзян торопливо кивнул, а когда Лян Цзивэнь ушёл, понял, что вёл себя слишком подобоострастно. Нельзя было так!

Он нахмурился, мелкими шагами прошёлся по двору, одновременно очищая одну из шишек и отправляя её в рот. Аромат сосны распространился по рту. Лян Цзивэнь становился всё искуснее: раньше его шишки были слегка пережаренными, а теперь они были идеальными, с чистым сосновым ароматом. Чжань Цзюцзян мысленно решил: одну, две, три, четыре, пять — оставлю четыре Дедушке, скажу, что Лян Цзивэнь дал восемь, ведь он ещё маленький, и у него будет ещё много возможностей попробовать их!

Чжань Цзюцзян и Дедушка Чжань пообедали, и Чжань Цзюцзян услужливо приготовил деду чай, в котором плавали всего две-три чайники. Чай нужно было экономить, ведь его оставалось совсем немного, а купить новый будет трудно!

Дедушка Чжань, воспитавший Чжань Цзюцзяна, прекрасно знал его характер. Он поднял бровь, ничего не спрашивая, и сосредоточился на чае, как будто он превратился в элитный напиток, от которого можно стать бессмертным!

Чжань Цзюцзян нервничал, услужливо встал на табурет и начал массировать спину деду.

— Дедушка~~~ — его голос тянулся и извивался.

Дедушка Чжань продолжал смотреть на дно грубой чашки, будто там были записаны секреты великого мастерства.

— Дедушка! Мой красивый, обаятельный, величественный дедушка! Посмотри на своего внука! Видишь, мои ручки уже толще твоих ног! Что же делать? — Чжань Цзюцзян пискляво запел. — Спорт делает здоровым! Спорт делает счастливым! Маленьким детям нужно заниматься спортом! Что же лучше? Я скажу, что лучше всего — ходить в горы! Почему же...

— Отстань! Осторожнее со своей тонкой шеей, а то опять испугаешься глупого кота и упадёшь!
— Дедушка Чжань ничего не мог с ним поделать. Что оставалось, кроме как согласиться? Даже если бы он не согласился, Чжань Цзюцзян всё равно бы убежал в горы и напугал бы его до смерти. Лучше пусть идёт с Лян Цзивэнем. Когда Чжань Цзюцзян принёс домой куриные крылышки и ножки, Дедушка Чжань уже понял, что его внук будет пропадать с Лян Цзивэнем.

Эх... Дедушка Чжань мысленно посочувствовал Лян Цзивэню. Какой хороший парень, но его точно съест этот маленький демон!

Добившись согласия деда, Чжань Цзюцзян с радостью ждал, когда Лян Цзивэнь придёт за ним. У него даже было ощущение, будто он невеста, ожидающая жениха!

Фу! Осознав, что его мысли зашли слишком далеко, Чжань Цзюцзян мысленно закатил глаза. Если уж на то пошло, это он должен был жениться на Лян Цзивэне!

— Здравствуйте, Дедушка Чжань, — Лян Цзивэнь сухо поздоровался. Только семья Лян и Дедушка Чжань считали Лян Цзивэня вежливым и хорошим мальчиком. Для остальных его суровое приветствие было скорее пугающим.

— Эх, здравствуй, здравствуй! — Чжань Цзюцзян с радостью ответил за деда и потянул Лян Цзивэня за руку. Эй, почему он не двигается?

Чжань Цзюцзян поднял глаза и уставился на него. Лян Цзивэнь послушно поднял ногу и побежал с ним.

Дедушка Чжань смотрел, как они бегут, держась за руки, и улыбался. Наконец-то он избавился от этого маленького демона! Дедушка Чжань радовался, но через десять лет он бы с радостью вернулся в прошлое и дал себе пощёчину за эту радость.

— Лян Цзивэнь, что мы будем делать? Здесь есть что-нибудь интересное? Чем я могу помочь?...
— Поднявшись в горы, Чжань Цзюцзян прыгал и скакал, держа Лян Цзивэня за руку, излучая радость и свободу.

Он не знал, почему, но всегда мог снять маску, которую сам на себя надевал, когда был с Лян Цзивэнем. Он не мог удержаться от того, чтобы капризничать, будто знал, что Лян Цзивэнь будет терпеть его. Иногда он сам понимал, что ведёт себя неразумно, но не мог остановиться.

— Что мы будем делать? — Чжань Цзюцзян стряхнул с себя листья и сел на камень, уставший. Они шли всё выше, и чем труднее был путь, тем дольше Лян Цзивэнь останавливался. Особенно в местах с густыми кустами, куда Лян Цзивэнь обязательно залезал, что сильно утомляло Чжань Цзюцзяна.

Лян Цзивэнь налил ему воды. Вода была ещё тёплой, так как он держал её у себя на груди.

<http://bllate.org/book/16557/1510653>